

номеров, затем идут стихи самого Чулкова, переводы и т. д. Пословицы употребляются в качестве заголовков, заканчивают отдельные статьи в виде выводов, вводятся как пояснительный текст, точнее передающий авторскую мысль, а иногда вставляются даже «с обратным знаком»: «Итак остался я без денег и не мог уже сказать о себе сей пословицы: у молодца не без золотища».

Стремление к народной речи, к вековой мудрости, заложенной в пословицах, несомненно характеризует тяготение к национальным чертам в творчестве Чулкова. Важно отметить, что он черпает свой запас непосредственно из источника — из «низшей степени народа», в конечном счете от крестьянства, через разного рода купцов, ремесленников, актеров, лакеев и т. д., в обществе которых он провел значительную часть своей жизни. Обращаясь столь часто к пословицам, Чулков как бы придает большую силу своим высказываниям, он устанавливает более тесную связь со своим читателем, подчеркивая, что говорит с ним на одном языке. И этот новый голос явственно слышится в журнале «И то и сьо».

Народность чулковских пословиц станет более заметной, если подобрать подходящий материал для сравнения. Таким материалом может служить труд И. Ф. Богдановича «Русские пословицы», вышедший тремя частями в 1785 г. в издании Академии Наук. (Цитируем по изданию Смирдина, Сочинения Богдановича, т. 1, СПб., 1848.) В предисловии автор говорит, что пословицы вообще «в первобытном их речении, как можно видеть, все они составлены были правильными стихами: ямбом, хоресом или дактилем». Исправив эти пословицы, дополнив некоторые до стихотворной меры и разделив по рубрикам, Богданович издал их, «ласкаясь», что нация «увидит с благоволением изданное в печать собственное сочинение». Разумеется, «нация» здесь понятие чрезчур суженное — оно сводится к дворянскому кругу, и редакторская роль Богдановича переступила должные границы. Он дописывал к пословицам по две и по три строки, загонял их в канонизированные стихотворные размеры, всячески прищудривал и приглаживал острое народное слово, чтобы сделать его приемлемым для сравнительно замкнутой среды избранных своих читателей. Это — дворянская редакция фольклора, и, конечно, Чулков в ней не помещается.

Прежде всего в «И то и сьо» нет ни одной пословицы на «ведущие» разделы «Русских пословиц» Богдановича. Чулков полагается тем «благоверия», «благосердия», «службы государю», «мушкетства в повиновении высшим» и т. д., которым Богданович уделяет много места, заполняя их скучными тирадами, вроде следующих:

«Не по всякому хотенью,
А по божью изволенью,
В мире есть добро и лихо,
Чтоб мы жили в мире тихо» (стр. 380).

«Добродетель, без битвы, без крови, без брани,
Владеет в народах и платят ей дань».